

Многоязычие в Хеттском царстве
Протокол дворцовой стражи как источник информации
о языковом разнообразии

М. А. Молина

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Ситуация многоязычия в Хеттском царстве, одном из великих царств позднего бронзового века, оставалась естественным социолингвистическим фоном на всем протяжении его существования с XVIII по XII в. до н. э. Наряду с хеттским в столице империи Хаттусе активно использовался лувийский язык, причем хеттские документы фактически позволяют нам зафиксировать хетто-лувийский билингвизм на этой территории. Также в письменности использовались аккадские и шумерские идеограммы; аккадский язык выступал в качестве *lingua franca* для всего региона Малой Азии того времени. Для раннего периода Хеттской империи актуально также использование хаттского языка, для средне- и особенно новохеттского периода – хурритского.

Анализ текста «Протокол дворцовой стражи» – инструкции для привратников в царском дворце – позволяет нам увидеть ситуацию многоязычия, отраженную в тексте непосредственно в виде указаний, на каком языке следует говорить в тех или иных случаях, а также в виде указаний на использование одного из языков в качестве «проверочного» языка.

Молина М. А. Многоязычие в Хеттском царстве. Протокол дворцовой стражи как источник информации о языковом разнообразии // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 83–98.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© М. А. Молина, 2015

Ключевые слова: хеттский язык, многоязычие, социальные функции языка, социолингвистика.

УДК 811.292.1.

Контактная информация: Молина Мария Александровна, аспирант Института языкознания РАН (Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва 125009, maria.lakhuti@gmail.com).

Генеалогия хеттского языка и происхождение письменности

Хеттский язык – древнейший зафиксированный в письменности язык индоевропейской семьи (анатолийская группа). Он использовался в XVIII–XII вв. до н. э. в Центральной Анатолии (на территории современной Турции) и, в частности, был официальным языком одного из Великих Царств бронзового века – империи Хаттусы (Хеттского царства), чьи цари считались равными правителям Египта, Вавилона, Ассирии того времени. Столицей Хеттского царства был город Хаттуса, располагавшийся неподалеку от современного турецкого поселения Богазкёй (135 км к востоку от Анкары, Центральная Анатолия). Известно, что, кроме хеттского, обитатели Хаттусы и других хеттских городов говорили на лувийском языке (см., например, [Yakubovich 2010]), а также считали для себя важным знать целый ряд других использовавшихся в регионе языков, таких как хаттский (в древнехеттский период), хурритский, аккадский и др. Таким образом, многоязычие лежало в основе функционирования Хеттского царства на всем протяжении его истории.

Хеттский язык дошел до нас в клинописи – в основном на глиняных табличках. Лувийский известен по относительно немногочисленным (по сравнению с архивами на хеттском языке) клинописным записям, а также в иероглифической записи, в том числе на печатях (начиная уже с древнехеттского периода, но в основном с середины II тыс. до н. э.). Анатолийская группа языков, в которую, кроме хеттского и лувийского, входят также палайский (наиболее архаичный среди анатолийских языков), лидийский, ликийский, милийский (известен по одной надписи), карийский, сидетский, писидийский, считается первой по времени отделившейся от праиндоевропейского языка. Более того, существует так называемая индохеттская гипотеза, в настоящее время принимаемая многими индоевропеистами¹, которая отталкивается от ряда специфически анатолийских черт, отличающих эту группу от узкоиндоевропейских язы-

¹ См. сборник тезисов конференции «The precursors of Proto-Indo-European: the Indo-Hittite and Indo-Uralic hypotheses», Leiden, 9–11 June 2015. URL: <http://media.leidenuniv.nl/legacy/book-of-abstracts.pdf>

ков, и исходит из того, что праиндоевропейский и праанатолийский языки могли находиться не в отношениях «предок – потомок», а быть «братьями», восходя к праиндоуральскому языку-предку.

Если говорить о том, когда племена, говорящие на анатолийских языках, появились в Малой Азии и откуда они пришли, невозможно обойтись без упоминания проблемы индоевропейской прародины², которая непосредственно связана с проблемой прародины хеттов и других народов – носителей анатолийских языков, населявших Центральную Анатолию в III–II тыс. до н. э. Примерно равный вес, на наш взгляд, имеют карпато-балканская и степная локализации прародины индоевропейцев. Исходя из этого прародиной анатолийских народов считается Западная Анатолия, заселенная не позднее IV–III тыс. до н. э., откуда «отдельные анатолийские племена переместились в восточном направлении» ([Касьян, Якубович, 2013, с.15]).

Первые упоминания о хеттах в аккадских источниках датируются концом III тыс. до н. э. О Хеттском царстве в источниках говорится с XVIII в. до н. э., и тем же временем датируются древнейшие документы на хеттском языке. Почти тем же временем, т. е. XVIII–XVII вв. до н. э., датируются первые клинописные и иероглифические надписи на лувийском языке. Спустя шесть веков, в начале XII в. до н. э., история Хеттской империи, а вместе с ней и создание документов на хеттском языке, резко обрывается в результате коллапса, вызванного некими туманными причинами, по которым двор Хаттусы бросил свою столицу и удалился в неизвестном нам пока направлении. Создание документов на лувийском языке при этом продолжается, в том числе на территории так называемых постхеттских государств, таких как Каркемиш (об этом из последних источников см., например, [Немировский, Сафронов, 2015]).

Архив столицы Хеттского царства Хаттусы раскопан рядом с турецким поселением Богазкёй в 1906–1907 гг. В 2015 г. исполняется ровно сто лет, как в 1915–1916 гг. чешскому лингвисту Берджриху Грозному удалось, зная значение клинописных знаков, использовавшихся для записи уже дешифрованного к тому времени аккадского языка, расшифровать первые фразы на хеттском.

Считается (см. [Hout, 2012; Касьян, Сидельцев, 2013, с. 30]), что хетты заимствовали клинопись у одной из староаккадских писцовых школ и приспособили слоговое письмо для передачи индоевропейского языка. Такая передача индоевропейского языка, с его кластерами согласных, дает большие осложнения, когда мы пытаемся понять, как именно произносились по-хеттски те или иные слова. Однако в настоящее время в области реконструкции фонетики хеттского сделано уже довольно много (см.

² См. об этом, в частности, журнал «Вопросы языкового родства», 2013, № 9, спецвыпуск по итогам конференции «Проблема индоевропейской прародины», 12 сентября 2012 г.

[CHD, 1980; EDHIL, 2008; HED, 1984; Hoffner, Melchert, 2008; Melchert, 1984; 1994; Kimball, 1999; Kloekhorst, 2014; Касьян, Сидельцев, 2013 и др.).

Хетты и хатты

Хаттуса была столицей Хеттской империи только примерно с 1600 г. до н. э. До этого хеттская государственность формировалась вокруг города, известного нам по аккадским источникам как Канеш. Хетты его называли Несой, это поселение раскопано юго-восточнее Хаттусы, рядом с современным Кюльтепе. Как нам известно из древнейшего текста на хеттском языке, «Надписи Анитты», хеттский царь Питхана (ок. 1790–1750 гг. до н. э.) или его преемник (сын) Анитта, правитель Куссара, завоевал Канеш / Несу и сделал его своей столицей. Это был влиятельный военачальник – Куссарское царство в то время, до образования Хеттского царства, было одним из могущественных государств Малой Азии. Из «Надписи Анитты» также известно, что в течение нескольких лет он вел тяжелую войну с царством Хатти, т. е. с хаттами. Таким образом, мы встречаемся в хеттских документах с использованием языка, имевшего большое значение для царства Хаттусы в древнейший период его существования и, в частности, ставшего источником названия хеттов и их языка для окружающих их народов.

Как уже говорилось, хеттская государственность начиналась в Несе, поэтому их самоназвание – неситы. Собственно хеттский язык в текстах на хеттском языке обозначается как *nesili / nasili*, т. е. «неситский». (Надо отметить, что в документах мы регулярно встречаем названия языков и указания на их функции, что лишний раз подтверждает ситуацию многоязычия в Хеттском царстве вообще и в Хаттусе в частности.) Названия «хетты» и «хеттский» восходят к названию «земли страны Хатти» – она обозначается в документах как KUR.URU.HAT.TI, с использованием шумерограмм (логограмм шумерской клинописи). Земля Хатти – это, собственно, и есть земля хаттов, завоеванная хеттами.

Хатты, видимо, были носителями одного из северокавказских языков (см. [Kassian, 2010, S. 309f]), но знаем мы о них очень мало и в основном через посредство хеттов, довольно многое заимствовавших у хаттов, включая мифологию и материальную культуру. В «Надписи Анитты» говорится, что уже в самом начале своего правления Анитте удалось разгромить войско царя Хатти Пиюсти и захватить ряд хаттских городов. Хеттскому царю в борьбе с хаттами пришлось сломить также сопротивление большой коалиции северных причерноморских областей и племен, очевидно, поддерживавших Хатти. Затем он во второй раз нанес поражение Пиюсти и его союзникам, осадил столицу Пиюсти город Хаттусу и, после того как жители ослабели от голода, захватил ее. Борьба Анитты с Хаттусой и ее союзниками, очевидно, была столь жестокой, что Анитта прика-

зал сравнивать этот город с землей и в своей надписи торжественно проклял каждого из будущих правителей, кто вновь заселит уничтоженный им город. Своей главной резиденцией Анитта сделал город Несу.

Его преемники активно занимались расширением влияния Хеттского царства, и пятый преемник Хаттусили I (ок. 1650–1620 гг. до н. э.) все-таки переносит свою столицу в Хаттусу, игнорируя проклятие Анитты. Это довольно странно – хетты очень осторожно относились к таким сильным понятиям, как проклятие. Тем не менее именно тогда, примерно с 1600 г. до н. э., Хаттуса становится центром Хеттского царства.

Кроме богов, городов и названия земли, хетты также заимствовали у хаттов такие культурные традиции, как керамика и практика пользоваться печатями. Разумеется, вместе с этим в языковом обиходе хеттов появился некоторый (довольно значительный) пласт культурной лексики хаттского языка, что отражается в хеттских документах. Можно также отметить, что, как мы далее увидим при анализе текста «Протокола дворцовой стражи», мастера, приходившие в царский дворец в Хаттусе работать, в древнехеттский период носили хаттские наименования, что опять же свидетельствует о заимствовании культурных традиций и вместе с ними культурной лексики.

Хетты и лувийцы

Памятники лувийского языка возникают практически параллельно памятникам хеттского языка на соседних или тех же территориях и вполне убедительно доказывают сосуществование этих двух родственных языков. Как убедительно показывает И. Якубович в монографии, посвященной лувийской социолингвистике ([Yakubovich, 2010]), носители лувийского языка сосуществовали с хеттами на территории Хаттусы с момента ее повторного заселения в XVI в. Доминирующим языком в столице Хеттского царства в древний период при этом все же был хеттский, однако к новохеттскому периоду он, видимо, фактически был вытеснен лувийским. Безусловно, до самого коллапса империи хеттский оставался языком дворцовой элиты и языком дипломатической переписки наряду с аккадским (последний представлял собой дипломатический язык всего региона Малой Азии, Египта, Вавилона и окружающих их государств с конца III тыс. до середины I тыс. до н. э.).

Как считает Якубович, как минимум до новохеттского периода хеттский показывает признаки живого языка, такие как вариативность, указывающая на существование носителей, т. е. передачу языка от матери, а не обучение ему во взрослом возрасте. По его мнению, исходя из писцовых право в документах, можно также предполагать наличие писцов, которые не были носителями хеттского, но безупречно им владели, а также тех, кто владел этим языком, однако допускал ошибки (во дворце оставались люди,

способные исправить такую ошибку). Генетическая близость лувийского к хеттскому способствовала легкости взаимопонимания, поэтому, скорее всего, жители Хаттусы были билингвами (подробнее см. [Касьян, Сидельцев, 2013; Yakubovich, 2010] включая библиографию; а также дальнейший анализ текста «Протокола дворцовой стражи»).

Один из наиболее интересных источников нашей информации о так называемом имперском диалекте лувийского языка, т. е. использовавшемся в столице, – то, что мы можем взять непосредственно из хеттских документов, созданных в Хаттусе. Существует большой корпус лексем, для которых предполагается лувийское происхождение. Их (не вполне удачно) принято обозначать как *Glossenkeilsprache*, от выражения «глоссовый клин», – именно глоссовым клином отмечены, насколько можно судить, вкрапления лувийской лексики в хеттские тексты. Глоссовый клин выдавливали в начале слова на сырой глине одинарным или двойным нажатием конца стилуса. Предполагается, что в хеттских документах (несколько иным было использование глоссовых клиньев в аккадских текстах) он в основном указывал на заимствование – и чаще всего из лувийского языка. Такие слова следует рассматривать как исходящие от авторов соответствующих текстов, а не от писцов: когда писец слышал лувийское слово в речи хеттского царя или чиновника, диктующего ему текст, он отмечал его как несоответствующее, но не мог выкинуть из записи. Это, в частности, может указывать на то, что в хеттской речи лувизмы воспринимались так естественно, что носитель мог не заметить переключения с языка на язык, что мы и увидим при дальнейшем разборе текста «Протокола дворцовой стражи» – инструкции времен самого начала существования Хаттусы как столицы царства.

Хурритский, аккадский, шумерский в хеттском обиходе

Кроме постоянно присутствующих в Хаттусе лувийцев и наследия хаттов, в хеттских документах также отражаются более поздние контакты с хурритами. Хурритский – северокавказский язык, возможно, имевший генетические связи с хаттским. Хорошо восстанавливаются хурритские заимствования в средне- и особенно новохеттском (в основном в религиозной лексике, см. [Касьян, Сидельцев, 2013, с. 28, 73] включая библиографию), до нас также дошло также некоторое количество хетто-хурритских билингв с мифологическими текстами. Впрочем, этот народ (и его язык) все-таки оставался внешним, а не внутренним фактом существования Хаттусы, в том числе не только добрым соседом и торговым партнером, но и, в первую очередь, врагом – в частности, в правление царя Суппилулиумы I (ок. 1355–1330 гг. до н. э.) хурритское царство Митанни было одной из наиболее сильных преград на пути к экспансии Хеттской империи в Сирии.

Из прочих языков в обязательный набор хеттского писца входило знание аккадского и шумерского – как уже говорилось, аккадский представлял на всем протяжении существования Хеттского царства дипломатический и торговый язык-койне; повсеместно в хеттском письме даже при записи на хеттском языке использовались аккадские, а также шумерские логограммы (аккадограммы и шумерограммы). В частности, на аккадском велась переписка с Египетским царством времен Рамсеса II (в XIII в.), известная нам из египетского архива Эль-Амарны, где сохранилось некоторое количество хеттских писем.

Инструкции дворца Хаттусы

Среди архивов царского дворца Хаттусы найдены, в частности, тексты, известные в хеттологической литературе под названием инструкций. Это жанр, определяющий набор обязательств для дворцовых служащих, по-хеттски называется *ishuil-*. Каждый из таких документов адресовался тому или иному «профессиональному классу» – людям определенных занятий. В царском дворце обязанности были распределены довольно жестко – существуют инструкции для водоносов, телохранителей, жрецов и служителей храма, прислужников.

Скорее всего, некоторые из подобных текстов могли быть частью документов большего объема, в которые также входили тексты других жанров (см. филологический анализ жанра инструкций в [Miller, 2013]). Самое естественное – инструкции (*ishuil-*) могли объединяться с клятвами (*lingai-*). Ключевые слова для описания этого жанра – *ishuil-* ‘инструкция’ и *lingai-* ‘клятва’ – происходят соответственно от слов *ishai-* / *ishiya-* ‘связывать, обязывать’ (т. е. *ishuil* буквально означает ‘связанность’) и *link-* ‘клясться’. Такие клятвы должны были принести царю его подчиненные перед богами, выступающими в качестве свидетелей и гарантов для того, что, таким образом, являлось единым юридическим соглашением, своего рода трудовым договором. Обращение при этом обычно шло от имени управляющего или даже самого царя к подчиненным, поэтому распространены формы 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. как в императиве, так и в настоящем-будущем времени – хотя почти так же часто встречаются безличные формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. [Ibid., p. 6]. Настоящее-будущее часто приобретает силу императива, грамматические показатели легко переключаются от 2 к 3 л. и от настоящего-будущего к императиву и обратно.

Другая разновидность инструкций – протоколы. Они обычно представляют собой предписывающего характера текст, описывающий конкретные действия для конкретного персонала. Их характеризует 3 л. и индикатив, появляющийся чаще, чем императив. Эти документы – организация рутин. Именно такие памятники, не ограниченные пафосом царских соглаше-

ний, позволяют нам увидеть обыденную жизнь хеттской столицы и ее социолингвистические особенности.

В настоящей статье мы ограничимся анализом текста, который обозначается в литературе как «Протокол дворцовой стражи» (Protocol for the Palace Gatekeeper, СТН 263). Инструкция описывает правила, которыми должна была руководствоваться дворцовая стража, т. е., собственно, это руководство относительно того, кого и как следует пускать за ворота и как следует вести себя в сложных ситуациях. Например, у кого следует спрашиваться, если требуется отлучиться от ворот, с помощью какого протокола, по какой цепочке, кто ответственный и в каком порядке следует запрашивать разрешения. Или же – что делать, если шпион пытается проникнуть во дворец.

К сожалению, от этого документа до нас дошли лишь отрывки. Большинство хеттских документов, записанных на глиняных табличках, за прошедшие более чем 3000 лет были многократно разбиты на части и раскопаны в основном в виде небольших глиняных обломков. Чтобы собрать такой текст воедино, требуется грандиозная работа по джойнированию – стыкованию обломков между собой. Надо еще учесть, что далеко не все составляющие документ части удается найти, часть фрагментов пропадает бесследно, а некоторые документы удается правильно джойнировать только спустя годы. От «Протокола дворцовой стражи» до нынешнего времени дошла едва ли одна четвертая часть оригинальной композиции.

Однако любопытно, что, как показано у van den Hout [2006; 2008; 2009], этот текст относился к тем, которые переписывали многократно на протяжении столетий. Зачем требовалось регулярно делать новые списки этого текста, остается неясным – вероятно, мы можем лишь спекулировать на этот счет (см. [Miller, 2013, p. 56]). О том, что документ составлен в ранний период сразу после заселения Хаттусы хеттами, указывает, в частности, использование в нем лексики хаттского языка.

Протокол дворцовой стражи и социолингвистическая ситуация в Хаттусе

«Протокол дворцовых привратников» (СТН 263) (рис. 1, 2) открывается описанием начала рабочего дня городского стража: «Когда он (привратник) подходит к дверному запору дворца...», и дальнейшим описанием ежедневно повторяющегося ритуала встречи с мастерами, приходящими во дворец. В инструкции далее следует описание дальнейших действий, всегда идущее в 3 л. ед. или мн. ч. настоящего-будущего времени.

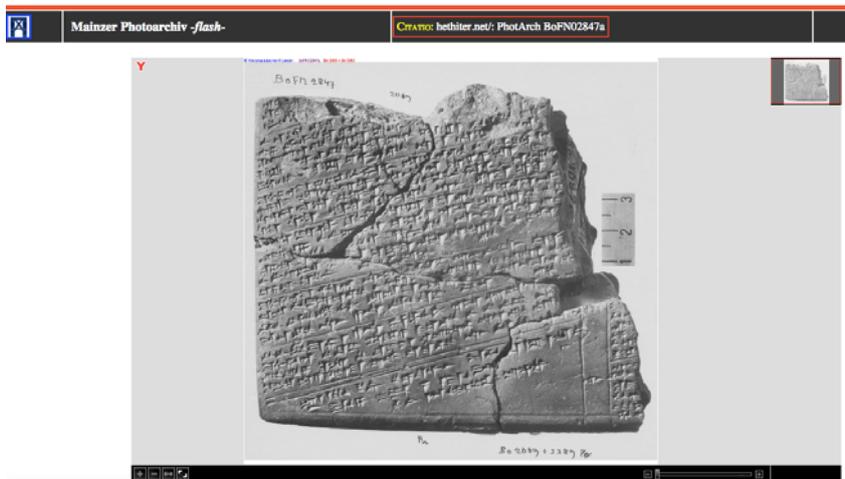
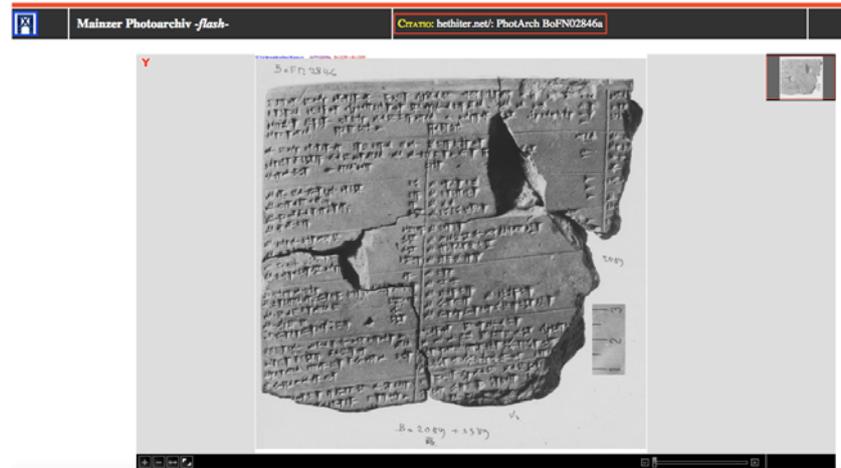

Рис. 1 (фото). Протокол дворцовой стражи

Рис. 2 (фото). Протокол царских телохранителей (LÚ.MEŠ.MEŠEDI), первая табличка текста (публикация: ИВоТ 1.36, частично КВо 30.187)

Оригинальный текст ³:

i 1 *ma-a-an I-NA É.GAL-LÌ za-ak-ki-ti-i ar-ta-ri nu-^zza LÚÌ.DUG⁷*
 i 2 *GIŠ^TTUKUL^LMEŠ³ EGIR-an ki-iš-ša-an kap-pu-u-e-zi LÚÌ.DUG-kán*
 i 3 *IŠ-TU KÁ.GAL kat-ta ti-i-e-zi nu na-a-ši-[l]i ki-iš-ša-an*
 i 4 *te-ez-zi ḥa-lu-ga-aš ḥa-lu-ga-aš*

Перевод:

«(1) Когда дворцового запора он достигает, дворцовый привратник (2) торговцев так отмечает. Привратник (3) от главных ворот вниз ступает, по-хеттски (по-неситски) так (4) говорит: Объявление! Объявление!»

³ Литера «i» указывает на номер колонки, цифра – на номер строки в оригинальной табличке. Дефисами разделяется транслитерация послоговой клинописной записи. Квадратные скобки обозначают восстановленный текст на месте сбитой надписи. Надстрочное написание указывает на детерминативы. Подписные цифры, знаки «acute» и «gravis» при обозначении клинописного знака отражают существование нескольких знаков для одного и того же или близкого фонетического значения. š – традиционная запись для сибиланта, который в современной хеттологии принято считать близким к [s]. Написание z передает звук, который считается аффрикатой [ts]. Запись plepe (например, *ma-a-an*), согласно некоторым представлениям (см. [Касьян, Сидельцев, 2013, с. 32]), может передавать синхронную долготу на месте праиндоевропейского ударения.

Особенность следующих за этим § 3–5 этого текста заключается в том, как составлены списки этих названий (повторяющихся далее также в § 20", 23"). «Объявление» состоит в выкрикивании названий мастеров, которые живут (спят) во дворце и которых он должен назвать, ни более ни менее, по-хаттски, а не по-хеттски. Списки их наименований представляют собой однообразные списки титулов. Они организованы в две колонки. В левой колонке идут хаттские термины, а хеттские аналоги или соответствующие им шумерограммы – в другой (см. таблицу).

i 6–7^{LU} I.DU₈=ma=aš=kan ḫa[tti]li lamnit ḫalziššai
Привратник же по-хаттски именем (их) называет

Данный отрывок фактически представляет собой билингвальный словарь, предназначенный даже не для самого привратника, а, скорее, для писцов, которым приходится переписывать эти названия. Иначе говоря, неожиданно нарратив – описание выкрикивающего названия привратника – прерывается справочником для писца (подробнее об этом см. [Klinger, 1996, S. 202–207; Beal, 1988, p. 284f]; хаттские термины в целом – [Soysal, 2004]).

КВо 5.11+ (дубликат А i 8–20);
КВо 50.270 (дубликат С 4'–6' для строк А i 8–11):
название мастеров

(8) ^{LU} <i>windukqaram</i>	^{LU} SAGI-aš
(9) ^{LU} <i>zūlūwē</i>	LÚ ^{GIS} BANŠUR-aš
(10) ^{LU} <i>ḫantipšuwā</i>	^{LU} MUḪALDIM-aš
(11) ^{LU} <i>paršiēl</i>	^{LU} ALAM.ZU
(12) ^{LU} <i>šahtaril</i>	^{LU} GALA
(13) ^{LU} <i>dūēl</i>	^{LU} zilipuriyatallaš
(14) ^{LU} <i>ḫaggazuēl</i>	^{LU} akuttarraš
(15) ^{LU} <i>dāgulrunāil</i>	LÚ ^{GIS} ZA.LAM.BAR
(16) ^{LU} <i>tānišawa</i>	LÚ ^{GIS} GIDRU~
(17) ^{LU} <i>tušḫawadun tānišaue</i>	^{LU} GAD.TAR~
(18) ^{LU} <i>lūizzil</i>	^{LU} KAŠ.E~
(19) ^{LU} <i>kīluḫ</i>	^{LU} NÍ.ZU ^{LU} KAŠ.E~
(20) ^{LU} <i>duddušḫiyal</i>	^{LU} duddušḫiyalaš

Выражение «он говорит по-хаттски так» (*ḫattīli kiššan tezzi*) повторяется каждый раз, когда требуется дать инструкцию. Например:

ii 8"–9" *ḫattīli [kiššan tez]zi*
По-хаттски [так он го]ворит

Но этим лингвистическое разнообразие дворцовой жизни не ограничивается. Как только привратник закончит выкрикивать этих мастеров, он обращается к другим слугам – тем, которые поддерживают огонь. И к ним он должен обращаться по-лувийски. Впрочем, то, что он должен сказать по-лувийски, в протоколе записано по-хеттски, а не по-лувийски (см. комментарий в [Otten, 1953, S. 12]).

КВо 5.11+ (дубликат A i 21–24)

- i 21 *namma=az* LÚ^{MEŠ} *paḥḫuenaš EGIR-an kappūez[i]*
 Затем он людей, поддерживающих огонь, отмечает
- i 22 *n=at parā tiyanzi*
 Они вперед выступают
- i 22–23 *nu* LÚ^ḫ.DU *luwili kišš[an] tezzi*
 Привратник по-лувийски так говорит
- i 23 *uwat*
 «Войди!»

В [Jakubovich, 2010] этот текст понимается следующим образом: «Потенциальные читатели инструкции были хетто-лувийскими билингвами, и никаких трудностей произнести предписанный текст по-лувийски у них не было». Прямых доказательств тому у нас нет, однако можно согласиться с Якубовичем в том, что такая трактовка выглядит вполне убедительной.

Шпионы в Хаттусе

В последнем параграфе (§ 36") этого протокола речь идет о том, что хаттский используется как своего рода проверочный язык (security check). Привратник должен проверить, кто уборщик (cleaner), поднимающийся во дворец, – верный ли он человек, не шпион ли. Поэтому он спрашивает уборщика, кто он (*zik=za quis*; букв. «ты кто?»). Уборщик должен ответить хаттским словом *tāḫaya*, означающим «уборщик». Если же не ответит, вернее, если привратник получит нормальный ответ на хеттском языке, то человека, пришедшего к воротам, следует заподозрить в том, что никаким уборщиком тот не является, а является «слугой человека», т. е. шпионом. Это угроза безопасности, и такой человек должен быть задержан.

КВо 5.11+ (дубликат A iv 22'–25')

- iv 22' LÚ^ḫ.DU₈=*ma=kan ANA KÁ.GAL-TÌ anda artari*
 Страж же у ворот стоит
- iv 22'–23' *n=ašt[a ...] maḫḫan* LÚ^ḫSU.I *šarā paizzi*

iv 23'	Когда уборщик наверх поднимается <i>nu</i> ^{LÚ} .DU ₈ <i>ħalza</i> [(i)]
iv 24'	Страж выкрикивает <i>zik=za kuiš</i>
iv 24'	«Ты кто?» <i>LÚŠU.I=ma kiššan tezzi</i>
iv 24'	Уборщик же так говорит <i>tāħ</i> [aya]
iv 25'	«Уборщик» (хатт. <i>tāħ</i> [aya]). <i>kuiš=a tāħaya=ma ŪL tezzi</i>
iv 25'	Тот же, кто <i>tāħaya</i> не говорит <i>n=aš</i> ĪR' LÚ
iv 25'	Он человека слуга <i>n=an appan</i> [du]
	Его пусть схватят

Что мы можем понять из «Протокола дворцовой стражи» о социолингвистической обстановке в Хаттусе в имперский период? Судя по тому, что лувийские и хеттские слова не требовали перевода для рядовых служащих дворца, большинство или, по крайней мере, многие из обитателей Хаттусы говорили на хеттском или лувийском свободно и, с большой вероятностью, вообще были билингвами. Но хаттские названия уже требуют подсказки даже образованным представителям дворцового персонала. Поэтому становится очевидным, что даже дворцовая элита, какой являлись писцы, и даже в ранний период существования Хаттусы как столицы Хеттского царства уже не говорила на хаттском языке. Однако, как мы видим, по крайней мере в древне-среднехеттский период, хаттский еще сохранялся в обиходе Хаттусы, хоть и не был уже языком свободного использования для таких персонажей, как привратник и писец, которым требовались переводы. Как указывает J. Miller [2013], подобные лингвистические намеки можно найти в других подобных контекстах, например параграфах § 12a и 57 «Протокола царских охранников» (Protocol for the Royal Bodyguard), который имеет много параллелей с «Протоколом дворцовой стражи».

Список литературы

Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира. Реликтовые языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2013. С. 32–41.

Касьян А. С., Якубович И. С. Анатолийские языки // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013. С. 15–25.

Немировский А. А., Сафронов А. В. Кто погубил Хаттусу? // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІХ. СПб., 2015. 699 с.

Beal – The ^{gls}TUKUL-institution in Second Millennium Hatti. 1988. AoF 15. P. 269–305.

CHD – *Hans G. Güterbock & Harry A. Hoffner Jr.* The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1980.

HED – *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary. 9 vols. Berlin & New York: Mouton, 1984.

EDHIL – *Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Brill, 2008.

Hoffner H., Melchert H. C. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008. Vol. 1: A Reference Grammar.

Hout Th. van den. Institutions, Vernaculars, Publics: The Case of Second-Millennium Anatolia. P. 217–56 // Margins of Writing, Origins of Cultures, edited by S. L. Sanders. Oriental Institute Seminars 2. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2006.

Hout Th. van den. A Classified Past: Classification of Knowledge in the Hittite Empire. P. 211–19 // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale Held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005, edited by R. D. Biggs, J. Myers and M. T. Roth. Studies in Ancient Oriental Civilization 62. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2008.

Hout Th. van den. Reflections on the Origins and Development of the Hittite Tablet Collections in Hattuša and Their Consequences for the Rise of Hittite Literacy.” P. 71–96 // Central-North Anatolia in the Hittite Period: New Perspectives in Light of Recent Research. Acts of the International Conference Held at the University of Florence (7–9 February 2007), edited by F. Pecchioli Daddi, G. Torri, and C. Corti. StAs 5. Rome: Herder, 2009.

Hout Th. van den. The ductus of the Alalah VII texts and the origin of Hittite cuneiform // Palaeography and Scribal Practices in Syro-Palestine and Anatolia in the Late Bronze Age: Papers Read at a Symposium in Leiden, 17–18 December 2009 / E. Devecchi (ed.). Leiden, 2012. (PIHANS, vol. 119)

Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian Language // Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. Manfred Dietrich, Oswald Loretz (eds.). Ugarit-Verlag Münster. 2010. Bd. 41.

Kimball S. Hittite Historical Phonology. Innsbruck, 1999.

Klinger, 1996 – Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht. StBoT 37. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996.

Kloekhorst A. Accent in Hittite. A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.

Melchert H. C. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen, 1984.

Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994.

Miller J. Royal Hittite Instructions and Related Administrative Texts. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013.

Otten, 1953 – Luvische Texte in Umschrift. Institut für Orientforschung. Veröffentlichung 19. Berlin: Akademie, 1953.

Soysal, 2004 – Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung. HdO I/74. Leiden: Brill, 2004.

Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden; Boston, 2010.

Article metadata

Title: Multilingualism in Hittite Empire. Protocol for the Gatekeeper (CTH 263) as a source for the information on linguistic diversity

Author: M. A. Molina

Author's e-mail: maria.lakhuti@gmail.com

Author affiliation: Institute of Linguistics of the RAS

Abstract: Multilingualism in Hittite Empire, one of the famous Great Kingdoms of the late bronze age, was essential for the whole of its history since 18 to 12 cc. BC. Luwian was used widely along with Hittite in Hattusa, the capital of the Empire. Hittite documents attest evidence for the Hittite-Luwian bilingualism in Hattusa. Akkadian, along with Sumeran, was used as lingua franca all over Minor Asia region of that time. Usage of Hattian is attested for the early period of the Hittite Kingdom, and Hurrian was an influential source of borrowings for Middle Hittite and New Hittite.

«Protocol for the Gatekeeper» (CTH 263) is one of the texts that helps us to understand the situation of multilingualism in Hattusa. It is clear from the lines dedicated to social functions of different languages spoken in the Hittite capital.

Key terms: Hittite, multilingualism, social functions of a language, sociolinguistics

Reference literature (in transliteration):

Kas'jan A. S., Sidel'cev A. V. Hettiskij jazyk // Jazyki mira. Reliktovye jazyki Perednej i Central'noj Azii / RAN. Institut jazykoznanija. M.: Academia, 2013. S. 32–41.

Kas'jan A. S., Jakubovich I. S. Anatolijskie jazyki // Jazyki mira. Reliktovye indoeuropejskie jazyki Perednej i Central'noj Azii. M. 2013. S. 15–25.

Nemirovskij A. A., Safronov A. V. Kto pogubil Hattusu? // Indoevro-pejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija-XIX. SPb., 2015. 699 s.

The TUKUL-institution in Second Millennium Hatti. 1988. AoF 15. P. 269–305.

CHD – Hans G. Güterbock & Harry A. Hoffner Jr. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1980.

HED – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. 9 vols. Berlin & New York: Mouton, 1984.

EDHIL – *Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Brill, 2008.

Hoffner H., Melchert H. C. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008. Vol. 1: A Reference Grammar.

Hout Th. van den. Institutions, Vernaculars, Publics: The Case of Second-Millennium Anatolia. P. 217–56 // Margins of Writing, Origins of Cultures, edited by S. L. Sanders. Oriental Institute Seminars 2. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2006.

Hout Th. van den. A Classified Past: Classification of Knowledge in the Hittite Empire. P. 211–19 // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale Held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005, edited by R. D. Biggs, J. Myers and M. T. Roth. Studies in Ancient Oriental Civilization 62. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2008.

Hout Th. van den. Reflections on the Origins and Development of the Hittite Tablet Col-lections in Hattuša and Their Consequences for the Rise of Hittite Literacy.” P. 71–96 // Central-North Anatolia in the Hittite Period: New Perspectives in Light of Recent Research. Acts of the International Conference Held at the University of Florence (7–9 February 2007), edited by F. Pecchioli Daddi, G. Torri, and C. Corti. StAs 5. Rome: Herder, 2009.

Hout Th. van den. The ductus of the Alalah VII texts and the origin of Hittite cuneiform // Palaeography and Scribal Practices in Syro-Palestine and Anatolia in the Late Bronze Age: Papers Read at a Symposium in Leiden, 17–18 December 2009 / E. Devecchi (ed.). Leiden, 2012. (PIHANS, vol. 119)

Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian Language // Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. Manfred Dietrich, Oswald Loretz (eds.). Ugarit-Verlag Münster. 2010. Bd. 41.

Kimball S. Hittite Historical Phonology. Innsbruck, 1999.

Klinger, 1996 – Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht. StBoT 37. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996.

Kloekhorst A. Accent in Hittite. A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.

Melchert H. C. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen, 1984.

Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994.

Miller J. Royal Hittite Instructions and Related Administrative Texts. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013.

Otten, 1953 – Luvische Texte in Umschrift. Institut für Orientforschung. Veröffentlichung 19. Berlin: Akademie, 1953.

Soysal, 2004 – Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung. HdO I/74. Leiden: Brill, 2004.

Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden; Boston, 2010.